

П. Бре

ПОКОНЧИТЬ С МИФАМИ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ В ЕГИПЕТ, ИЛИ КОГДА ФРАНЦИЯ ПОВЕРНУЛАСЬ ЛИЦОМ К АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОМУ МИРУ¹

Экспедиция Бонапарта в Египет (1798–1801), без сомнения, с самого начала была военной авантюрой, завершившейся предсказуемым поражением после «пирровой победы», которая сопровождалась изоляцией и увязанием армии в песках. И чтобы понять причины и цели этого завоевания, необходимо рассматривать данный вопрос без отрыва от действительности и без недомолвок, воздерживаясь при этом от анахронизмов и ретроспективных суждений, апеллирующих к современным ценностям. Столкновение культур не ограничивается ни столкновением армий, ни очевидным техническим превосходством европейцев. Экспедиция дала возможность взглянуть на «Другого», на сложность его культуры и на многообразие ее сущностей. Различные факты освоения французами египетской культуры выразились в заимствованиях из самых неожиданных сфер египетской жизни. Эти заимствования способствуют пересмотру всего многообразия культурного обмена, который проявился в переносе некоторых знаний из Египта во Францию, пока в XIX в. не начался еще более массовый процесс переноса в обратном направлении.

Ключевые слова: Египетский поход 1798–1801 гг., кросс-культурный диалог, Франция, Египет

Экспедиция Бонапарта в Египет (1798–1801), без сомнения, с самого начала была военной авантюрой, завершившейся предсказуемым поражением после «пирровой победы», которая сопровождалась изоляцией и увязанием армии в песках². Эта военная кампания также заложила основы научной истории, связывающей проблемы прошлого, прежде всего эпохи фараонов, с настоящим и будущим³. Но, в конечном счете, ее вли-

Патрис Бре, сотрудник Центра Александра Койре (UMR 8560, CNRS), Высшей школы социальных наук и Национального музея естественной истории (Париж).

¹ Автор благодарит переводчика Юлию Минееву, равно как Ирину Гузевич, выверившую текст.

² Помимо информативной работы Анри Лоранса (*Laurens H. L'expédition d'Égypte, 1798-1801. P., 1989*), которая дает представление о классической библиографии, см. также: *Raymond A. Egyptiens et Français au Caire, 1798-1801. Le Caire, 1998; Laurens H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. P., 2004; Cole J. Napoleon's Egypt: Invading the Middle East. N.Y.; Basingstoke, 2007.*

³ *Laissus Y. L'Égypte, une aventure savante 1798-1801. P., 1998; Bret P. L'Égypte au temps de*

яние было еще большим: достаточно вспомнить о роли, которую она сыграла в формировании образа Востока в Европе, или о тех изменениях, которые она инициировала в концепции Средиземноморья и нового понимания современности, основанной, в соответствии с идеями того времени, на возрождении и цивилизации, на прогрессе, коммуникации и колонизации¹. И чтобы покончить с манихейскими представлениями об экспедиции, а также понять причины и цели этого завоевания (по меньшей мере отчасти колониального и империалистического) необходимо рассматривать данный вопрос без отрыва от действительности и без недомолвок, воздерживаясь при этом от анахронизмов и ретроспективных суждений, апеллирующих к современным ценностям.

В течение длительного времени экспедиция в Египет казалась французам «восточной мечтой» Бонапарта и экзотическим этапом наполеоновской эпопеи, а египтяне воспринимали ее как военную оккупацию, сопровождающуюся насилием и притеснениями со стороны французской армии. В то же время к этому периоду относится появление «египетского стиля», Розеттского камня и даже «Описания Египта». Но все эти обычные представления стали своего рода непроницаемой завесой, которая заслонила ряд других значительных и массовых последствий этой встречи цивилизаций. Мы не собираемся ни в малейшей степени отрицать важность военного вопроса или проблемы насилия, которые в результате экспедиции затронули египетское общество, однако здесь мы бы хотели рассмотреть вопрос культурной конфронтации. Наше долгосрочное исследование основывается на тщательном изучении биографий многих сотен европейских и восточных участников этой встречи культур, игравших в ней активную роль либо вовлеченных в нее против своей воли; на анализе удачных и не слишком успешных реформ, а также деятельности культурных и административных институтов периода французской оккупации; на изучении проектов (в основном неосуществленных) и свершений в разных сферах науки и искусства, в административной области и даже в повседневной жизни египтян².

Разумеется, статья не претендует на обобщенный анализ столь обширного вопроса; ее цель состоит в том, чтобы, кратко напомнив кон-

l'expédition de Bonaparte (1798–1801). P., 1998; *L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières, 1798–1801* / Sous dir. P. Bret. P., 1999.

¹ *Said E. W. L'Orientalisme. L'Orient créé par l'Occident*. P., 1980; *L'invention scientifique de la Méditerranée. Égypte, Algérie, Morée* / Sous dir. M.N. Bourguet, B. Lepetit, D. Nordman, M. Sinarellis. P., 1998.

² Это тема нашего исследования, готовящегося к изданию: *Bret P. Le Nil, la République et le Croissant. Dictionnaire culturel et administratif de l'Égypte sous l'occupation française (1798–1801). Hommes, institutions, projets et travaux*.

текст событий и дебаты, связанные с этой экспедицией, сосредоточиться на двух моментах, имеющих отношение к главному последствию экспедиции, а именно к тому, как Франция открылась навстречу культуре арабского мира: с одной стороны, речь идет об интересе французских ученых и инженеров к египетским технологиям, интересе тем более парадоксальном, что он противоречит принятым во Франции представлениям о Египте, однако ставшим важным результатом «открытия» Египта; с другой стороны, речь идет о столкновении французских ориенталистов с местными реалиями, об обновлении ориенталистики в результате экспедиции и о приезде во Францию «египтян-беженцев» после капитуляции Восточной армии в 1801 г.

**Воспоминания об экспедиции:
память общая, память разобщенная**

Коллективная память об экспедиции сохранила во Франции историю о группе ученых, забравшихся на голову Сфинкса в Гизе, чтобы ее измерить; экзотическую выpravку мамлюков из Императорской гвардии; «египетский стиль», ставший результатом переосмысления истории Древнего Египта; загадочный Розеттский камень и, по странному стечению обстоятельств, имя Шампольона, которому в 1798 г. было всего семь лет и поэтому принять участие в экспедиции он никак не мог... Но кто знает хоть что-нибудь о картине «Пожар в Салми», на которой Виван-Денон, подобно военному репортеру, зафиксировал ночной пожар в деревне, обстрелянной из пушек в отместку за сопротивление в дельте Нила? Или об изображенной английским художником Робертом Кером Портером хладнокровной расправе над гарнизоном Яффы, солдат которого пропустили через строй штыков? Или о «Казни Сулеймана аль-Халаби», карандашном наброске Дютертра, на котором изображена казнь убийцы Клебера – Сулеймана, посаженного на кол в окружении голов трех своих сообщников, вздетых на высокие шесты¹. Если война Испании против Наполеона неразрывно связана с серией гравюр «Бедствия войны» и картинами «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде» и «Третье мая 1808 года в Мадриде», то никакой Гойя не запечатлел наиболее бесславные стороны того явления, которые египтяне называют «французской экспедицией».

На самом деле, Франция в основном запомнила из этой безумной авантюры героическую эпопею Бонапарта на родине фараонов и в

¹ Denon. Voyage dans la basse et la haute Égypte. Paris, Didot l'aîné. II. Pl. 28, n° 2; Fondation Dosne-Thiers. Catalogue de l'exposition «Napoléon et l'Europe». P., 2013; BnF, Cab. Estampes (см. Laurens H. L'Expédition. Op. cit. Fig. 55).

Святой земле, притом именно такой, какой она была создана парижскими салонами периода империи – вроде картин «Битва у пирамид» Лежена, «Наполеон возле больных чумой в Яффе» Гро и т.п. К славе молодого генерала часто присоединяли имена его преждевременно почивших соратников – Клебера и Дезе, в то время как его последнего преемника, Мену, если и вспоминали, то лишь с презрением и поношениями, пока не забыли полностью. Наиболее образованные и любопытные прибавят к этому перечню тысячи страниц и рисунков «Описания Египта». Этот труд, результат систематического изучения страны, был кульминационной точкой в сценарии, разработанном имперской пропагандой: издательский памятник империи был воздвигнут учеными, участвовавшими в экспедиции, по приказу свыше, во славу Наполеона, в честь десятой годовщины переворота 18 брюмера, а также для того, чтобы заставить забыть итоговую неудачу, последовавшую за недолгой победой и приведшей к потере флота при Абукире. В Египте Бонапарт еще не был Наполеоном, но его политические амбиции, зародившиеся во время итальянской кампании, уже проявились в его званиях «члена Национального Института и главнокомандующего Восточной армией». Именно в Египте, как некогда римский проконсул, он впервые распробовал вкус власти. Именно оттуда он вернулся за ней в Париж, а Рубиконом ему послужило Средиземное море, хотя свою армию он и оставил в ловушке невольной ссылки.

На обоих берегах Средиземного моря героические и энциклопедические представления об экспедиции преумножились благодаря представлению о двойном, более идиллическом успехе. Речь идет о радикальном изменении в политике и модернизации Египта при Мухаммеде Али, начиная с 1805 г., а также о расшифровке иероглифов и начале науки египтологии в 1822 г. Эти два поворотных момента слились в единое целое и привели к появлению в XIX в. Мариета и Каирского музея (1858), Лессепса и Суэцкого канала (1869), Масперо и Французского института восточной археологии (1880). Отодвинув французскую оккупацию в далекое прошлое, британская колонизация в 1882 г. лишь усилила культурные связи между Египтом и Францией и укрепила существовавшее тогда общее представление об этом крае. «В течение десятилетий, – писала в 1999 г. Гилен Аллом, – французы и египтяне могли сойтись, по крайней мере, по двум пунктам: на том, что Египетская экспедиция стала отправной точкой современного развития страны; а также на факте, что результатом экспедиции стало не только военное завоевание, но и потрясающие интеллектуальные

начинания»¹. Эта признанная и еще совсем недавно существовавшая коллективная память интеллектуальной и политической элиты обеих стран сменилась откровенным разрывом между Египтом и Францией, связанным со злополучным Суэцким кризисом 1956 г. С тех пор пропасть между странами лишь углубилась, в частности, в работах Эдварда Саида, посвященных ориентализму², а также благодаря подъему египетской исторической школы³ на фоне усиления мусульманского фундаментализма⁴. Отныне, по словам Анвара Люка, в Египте «экспедиция Бонапарта служит отправной точкой для поиска собственной идентичности»⁵.

Если в социальном отношении эти воспоминания легитимны, то в интеллектуальном – довольно спорны, так как они зачастую в большей степени обращены к настоящему, чем к прошлому каждого из этих исторических, сменяющих друг друга контекстов. Оставив в стороне вопрос об их формировании, деконструкции и реконструкции, следует отметить, что только История может дать отчет о сложности предприятия, которое решительным образом повлияло на изменение самой идеи Средиземноморья и на историю прибрежных стран. Но не являются ли эти отличные друг от друга представления, имеющие четкую историческую привязку во времени и пространстве, также производными глубинной двойственности самой Египетской экспедиции? Ведь успехи экспедиции связаны как с решительной политикой Франции в Средиземноморье, так и с обманами и взаимным манипулированием правительства Директории и Бонапарта, этого неудобного для Директории главнокомандующего, искусно действующего как в военной области, так и в пропагандистской сфере. Случай и необходимость в этой истории тесно переплелись,

¹ L'expédition de Bonaparte vue d'Égypte / Sous dir. G. Alleaume // Égypte/Monde arabe. 1999. № 1. P. 10.

² В своем произведении «Ориентализм» (см. ссылку 3) Саид утверждает, что «агрессивная» задача Института Египта заключалась в том, чтобы «передать Египет на французский манер». См. Bret P. Les contingences orientalistes de l'expédition de Bonaparte. Pour une typologie des orientalismes // L'orientalisme des saint-simoniens / Sous dir. M. Levallois, S. Moussa. P., 2006. P. 33–52.

³ В течение двух веков Университет Каира, согласно Лайле Энану, бойкотировал научные мероприятия, касающиеся экспедиции. См.: Enan L. «Si tu le sais, alors c'est une catastrophe...» La commémoration: pourquoi, pour qui? // Égypte/Monde arabe. 1999. № 1. P. 13–23. См. также другие статьи в этом номере.

⁴ «Непростительным недостатком Бонапарта было и остается то, что он не был мусульманином. Так говорят теперь «интегристы», которые недавно терроризировали Египет и ослабляли позиции интеллигенции» – Itinéraires de Mallawî à Paris. Entretien avec Anouar Louca. Propos recueillis par Hassan Arfaoui // MARS-Le monde arabe dans la recherche scientifique. [Revue de l'Institut du monde arabe, Paris]. № 10–11. 1999. P. 5–33. (Цит. со стр. 20).

⁵ Ibid.

начиная от парижских кабинетов и кончая египетскими землями, через невероятную погоню Нельсона по Средиземному морю за конвоем французской экспедиции, из коего события Пьер Вендриес позднее сделал классический школьный пример¹.

Даже когда ужасы войны прикрываются маской героизма, славы и цивилизации, они все равно неразрывно связаны с завоеванием и военной оккупацией. С обеих сторон – ученый хронист-мусульманин аль-Джабарти² и авторы мемуаров из Восточной армии, были ли они солдатами или гражданскими лицами, – одинаково рассказывают о жестокости, мужестве и милосердии³. Это не приводит стороны к паритету, так как ужасы войны и террор, прежде всего, это деяния того, кто приходит с мечом, завоевателя и власть имущего. 31 июля 1798 г. после недели в египетской столице Бонапарт написал Мену: «...каждый день я приказываю отрубить на улицах Каира по пять-шесть голов [...], чтобы народ мне повиновался. А послушание для них – это страх»⁴. В феврале 1799 г., чтобы подготовить Сирию к завоеванию, он приказал заколоть солдат из гарнизона Яффы, которые сдались на милость победителя, – так же некогда поступил и Александр Македонский в Тире. Но, с другой стороны, страх и террор – последнее оружие того, кто сам боится и подвергается насилию, оружие слабых и побежденных, оружие отчаяния. Однако каким бы парадоксальным это ни казалось, бедствия могут шагать рука об руку со знанием и исследованием, с интересом к «Другому» и открытостью к нему, сопровождаться развитием и прогрессом.

Существование французского плана колонизации Египта не должно восприниматься ретроспективно, в свете колониального империализма, которому он, в конце концов, открыл дорогу. Но даже если колонизаторская утопия о французской просветительской миссии воспринимается двояко, она все же относится к идеологии того времени, и историк не может отринуть ее одним росчерком пера, даже если ему и приходится констатировать, что этот путь неизбежно ведет в тупик. По поводу грубой и циничной власти Бонапарта в Каире Мену после двух месяцев ок-

¹ De la probabilité en histoire. L'exemple de l'expédition d'Égypte. P., 1952.

² Абд ар-Рахман аль-Джабарти (1754–1825) написал три последовательных варианта хроники, повествующей о периоде в истории Египта, последний вариант взят из его истории Египта – Journal d'un notable du Caire durant l'expédition française, 1798-1801. Éd. Joseph Suoq. P., 1979. Подобнее см.: Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290.

³ Список работ был составлен Филиппом де Мельнером: Bibliographie raisonnée des témoignages de l'Expédition d'Égypte (1798–1801). P., 1993.

⁴ Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. 2: La campagne d'Égypte et l'avènement 1798–1799. P., 2005. P. 224. L. 2699.

купации написал из Розетты¹: «Местные жители к нам привыкают; я, насколько могу, веду себя по отношению к ним мягко и использую силу убеждения, и они повинуются голосу разума» (7 сентября 1798 г.)². Два года спустя, когда Мену по политическим «колониальным» соображениям уже перешел в ислам, женился на девушке, ведущей свой род от Пророка, и стал главнокомандующим, он попытался совместить поддержание порядка и принципы братства: «Солдаты, ведите себя благородно по отношению к египтянам. Но что я говорю? Сегодня египтяне уже стали французами; они ваши братья» (приказ от 5 сентября 1800 г.). Конечно, эти слова – утопическая риторика и политический расчет, но они в большей степени предвосхищают план Исмаила Урбена, чем продолжают намерения Бонапарта³. Данная риторика, несомненно, созвучна с риторикой составителей альманаха «Философская декада», которые в Париже превозносят «новую колонизацию», основанную на свободном труде местных жителей и переносе технологий⁴. Но во многих отношениях она также предвосхищает последующие проекты развития вне колониальных рамок и ту надежду, которую возлагали на Мухаммеда Али старые «египетские» ученые из французской экспедиции (речь идет, конечно, об Эдмоне-Франсуа Жомаре, а также о малоизвестном Ипполите Некту) и сен-симонисты⁵.

Какой бы незаконной ни выглядела эта война в глазах современников и потомков, и пусть ее нельзя назвать идеальной средой для встречи и открытия «Другого», война также (прежде всего? вопреки всему?) – вынужденный повод для этой встречи. И поэтому, несмотря на древние торговые связи и периодическое присутствие в стране путешественников, египтяне и французы ничего не знали друг о друге до 1798 г. Экспедиция сразу привнесла в обыденный пейзаж каждого из них другие обычаи, зачастую настолько иные, что их было просто невозможно понять. Из всей той сложной и разнообразной действительности техника представляла собой самый интересный материал для изучения.

¹ Совр. город Рашид. – *Прим. пер.*

² Service historique de la Défense. Département Armée de terre. Vincennes (SHD), B⁶ 121.

³ *Levallois M.* Ismaïl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie. P., 2001; *Idem.* Ismaïl Urbain. Royaume arabe ou Algérie franco-musulmane? 1848-1870. P., 2012.

⁴ См. *Gainot B.* La Décade et la «colonisation nouvelle» // AHRF. 2005. № 339 Janvier-mars. P. 99–116.

⁵ *Laissus Y.* Jomard, le dernier Égyptien. P., 2004; *Bret P.* L'Égypte de Jomard : la construction d'un mythe orientaliste, de Bonaparte à Méhémet Ali // *Romantisme*. XXIII. № 120 (2003-2). P. 5–14; *Idem.* Des «Indes» en Méditerranée? L'utopie d'un jardinier des Lumières et la maîtrise agricole du territoire // *Revue française d'histoire d'outre-mer*. N° 322–323. 1999. Vol. 1. P. 65–89.

Взаимное потрясение в зеркале культур¹

Одним из самых парадоксальных аспектов этой истории является то, что глашатаи технической Европы сами позаимствовали некоторые идеи из египетских технологий, которые большинству путешественников и солдат казались безнадежно устаревшими. Рассказывая об одном из таких местных достижений, Жомар, не колеблясь, заявляет, что «оно заслуживает того, чтобы позаимствовать его у египтян»². Эта оценка, невероятная для французского инженера, принимавшего участие в экспедиции и активно выступавшего за модернизацию Египта при Мухаммеде Али, была, между тем, вполне объективной и явилась результатом встречи европейской и арабо-мусульманской культур в реальном контексте. Различные факты освоения французами египетской культуры выразились, таким образом, в заимствованиях из самых неожиданных сфер египетской жизни. Эти заимствования способствуют пересмотру всего многообразия культурного обмена, который неожиданно выразился в переносе некоторых знаний из Египта во Францию, пока в XIX в. не начался еще более массовый процесс переноса в обратном направлении.

Перенос технологий, связанный с экспедицией, потерпел неудачу из-за недостатка времени, средств и политической воли, и модернизация Египта началась лишь после того, как укрепилась власть Мухаммеда Али. В этом отношении показателен пример с производством пороха³. Однако бесспорно, что французская оккупация подготовила для этого почву, грубо насаждая в египетском контексте представления о новых технологиях, вызвавших культурный шок, который подготовил почву для последующего переноса технологий, осуществлявшегося уже по воле паши⁴. Если создание научных учреждений и библиотеки Института Египта касались лишь малочисленной каирской элиты, и если типография Марселя, механические мастерские Конте и пороховой завод Шампи затронули жизнь лишь ограниченного числа рабочих, их учени-

¹ Подробнее см.: *Bret P. La Méditerranée médiatrice des techniques: regards et transferts croisés durant l'expédition d'Égypte (1798–1801) // Enquêtes en Méditerranée. Les expéditions françaises d'Égypte, de Morée et d'Algérie / Éd. M.-N. Bourguet, D. Nordman, V. Panayotopoulos, M. Sinarellis. Athènes, 1999. P. 79–101; Un autre retour d'Égypte: du Caire à Paris, l'ouverture de la France à la culture du monde arabe // Bonaparte et l'expédition d'Égypte, ombres et lumières. Catalogue de l'exposition de J.-M. Humbert (dir.). P., 2008. P. 194–199.*

² *Description de l'Égypte. T. 12. Explication des planches des arts et métiers. Pl. II. P. 402.*

³ *Bret P. Gunpowder Manufacturing in Cairo from Bonaparte to Muhammad 'Alī: Adaptation, Innovation and Transfer of Technology (1798–1820) // Gunpowder, Explosives and the State: A Technological History / Ed. B.J. Buchanan. Aldershot, 2006. P. 206–238.*

⁴ *Bret P. Conté et «les arts de la France au milieu des déserts»: vicissitudes d'un transfert de technologie pendant l'occupation française // L'Égyptologie et les Champollion. Sous dir. M. Dewachter, A. Fouchard. Grenoble, 1994. P. 331–345.*

ков и ряда служащих, то технологии захватчика, встроенные в каждодневную жизнь местного населения, незаметно подготовили умы к дальнейшим изменениям. Распространение технологий становится заметным не только местным жителям, но и таким хронистам, как аль-Джабарти и Никула ат-Турк: форты и ветряные мельницы, мост в Гизе и насыпная дорога в Булаке находятся на виду у всех, так же, как и отпечатанные и развешанные по стенам афиши, мощность подъемных механизмов и даже обычные ручные тележки строителей...

Этот феномен освоения, проявившийся, главным образом, в городах, возник в среде египетских ремесленников в связи с необходимостью адаптироваться к разрушенной в результате войны традиционной экономике, а также к тому, что вместо привычной им мамлюкской клиентуры у них появилась новая – те самые оккупанты. «Даже при самом слабом интересе к тому, что нас окружает, можно увидеть, что египтяне извлекают пользу из наших уроков, – пишет *Courrier de l'Égypte* в октябре 1799 г., – и даже если мы и находили их отставшими от нас на несколько веков, их способность к подражанию и их сноровистость позволили им наверстать целый век всего лишь за год»¹. А военных дельцов так обеспокоил «подражательный талант египтян», быстро копировавших и осваивавших новые для них модели, что год спустя они вынудили Мену запретить использовать местных рабочих на новых предприятиях и положили, таким образом, конец «колонистской» утопии генерала². Но эта способность египтян уходила корнями в местные, гораздо более сложные, чем могло бы показаться, знания и умения.

В отличие от военных мемуаристов, гораздо лучше подготовленных для ведения боевых действий, чем для понимания хитроумных принципов изобретения, скрытых за банальностью объектов, экспедиционные ученые и технические специалисты были в состоянии постичь эту сложность. Они, конечно, осознавали значительное опережение Европы в известных им областях, но при этом были способны судить здраво, что позволило им прозревать суть того, что скрывалось за эмпирическими методами в медицине или за внешней рудиментарностью ремесленных промыслов.

В своей программе «Медицинская топография Египта» главный врач Деженет предлагает своим подчиненным обратить внимание на местные медицинские навыки. «Тщательно изучите опыт страны, каким бы недостойным уважения этот эмпиризм вам на первый взгляд ни показался:

¹ *Courrier de l'Égypte*. 1999. № 40. (20 vendémiaire an 8). P. 2.

² *Bret P. L'utopie «coloniste» du général Menou // La campagne d'Égypte, 1798–1801. Mythes et réalités*. P., 1998. P. 165–188.

его надо познать, чтобы затем иметь право о нем судить. [...] Повсюду даже самые малообразованные люди могут научить нас полезным вещам»¹. Конечно, исследование показало, что медицина в этих краях всего лишь образец «слепого и грубого шарлатанства в руках невежественных и, следовательно, самонадеянных цирюльников», которые за исключением кровопускания ничего не вынесли из классической арабской медицины. Однако многие аспекты привлекли внимание армейских врачей и хирургов. Ларри отмечает, что бедуины заражают оспой в легкой форме, чтобы защитить человека от более тяжелой формы болезни; Серезоль подчеркивает, что в Саиде «кормилицы (очень интересный факт) часто сами пьют лекарство, которое должно подействовать на грудных детей». Некоторые приемы лечения и лекарственные средства страны снискали их милость, например «прижигание и ритуальные надрезы на коже», примочки, используемые при воспалении глаз, а в ветеринарии – изготовление отвара из зерен клещевины в качестве глистогонного средства, льняного масла против конвульсий и т.д. Более того, врач Франк не колеблется «использовать многое в [своей] практике, чтобы иметь возможность говорить с позиции собственного опыта»².

Это постепенное смешение не заканчивается вместе с экспедицией. Многие офицеры медицинской службы армии Востока вместо того, чтобы вернуться во Францию, обосновались в Египте, например аптекарь Ройе или хирург Дюссап, которому Мухаммед Али в 1821 г. поручил провести вакцинацию против оспы. Врач Саварези, наоборот, по возвращении в Неаполь основал там в 1810 г. «опийную мануфактуру по египетскому методу» для больниц королевства Иоахима Наполеона (Мюрата)³.

Такой же дух открытий был и у инженеров Комиссии по наукам и искусствам, сформированной скорее в теории, чем на практике. С момента своего прибытия в Александрию Конте подчеркивает парадоксальность египетской техники: «В этом городе с точки зрения искусства царит страшное варварство. Однако порой встречаются простые и удачные идеи в области механики»⁴. С тех самых пор тот факт, что египтяне компенсируют пробелы в теоретических знаниях и низкий уровень своих возможностей удивительной изобретательностью, становится лейтмотивом французских инженеров.

Для инженера-механика Сесилиа сахарная мельница, «пусть и несовершенная, и грубо сработанная, все же является доказательством ума егип-

¹ *Décade égyptienne*. I. P. 31–32.

² *Courier de l'Égypte*. 1999. № 59 (18 pluviôse an 8). P. 2–3.

³ SHD, dossier Savaresi.

⁴ Conté à sa femme, Alexandrie 13 thermidor an 6 – Arch. Thenard, C1b/17.

тян. Несмотря на их незнание принципов механики и неумение рассчитывать эффективность действия машин, они все же смогли понять, что при необходимости иметь два колеса разного диаметра, вращающихся соответственно с разной скоростью, вальцы следовало также сделать разного диаметра»¹. Химик Колле-Декотиль и инженер Жирар воздали должное традиционной технике добычи хлористого аммония, который долгое время экспортировался в Европу. Еще более удачный пример: в *Courrier de l'Égypte* в феврале 1800 г. появилось сообщение о том, что горный инженер Розьер, фармацевт Руйе и молодой выпускник политехнической школы Реньо, которым было поручено изучить достижения египтян в химии, «часто сталкивались с особыми приемами, которые могли бы, будь они известны на наших фабриках, изменить кое-какие протекающие там процессы в лучшую сторону»². Идея переноса египетских технологий на территорию Франции не кажется им неуместной, и предложения ученых после их возвращения на родину воплощались в жизнь.

В Египте Конте наблюдает, зарисовывает и изучает образцы египетского искусства, у него опытный глаз, чтобы замечать детали, и абстрактный ум, способный понять принципы, лежащие в их основе; после своего возвращения он начинает активную работу по передаче знаний из Египта во Францию. Вместе со своим коллегой Костазом он превратил Общество поощрения национальной промышленности, созданное несколькими месяцами ранее под эгидой министра внутренних дел Франции, в трамплин для переноса египетских технологий.

Жомар в «Описании Египта», отмечает: «Излишне обращать внимание на простоту изготовления этой машины, в которой все деревянные детали, то есть рычаг и два вала, представляют собой плохо обработанные ветки, на некоторых из которых даже осталась кора, но эта грубость в изготовлении не мешает мельнице для измельчения гипса быть экономичным и удачно задуманным устройством»³. Варварством вдруг становится совсем другое: «Этот метод избавлен от тех отрицательных качеств, которые есть в наших устройствах и которые можно назвать воистину варварскими, — пишет он дальше. — Его вполне можно позаимствовать у египтян, как по экономическим причинам, так и ради заботы о здоровье рабочих»⁴. Благодаря одновременно поступательному и вращательному движению эта мельница на животной тяге (воловья упряжка) позволяет дробить и измельчать гипсовый камень сразу после того, как его

¹ Description de l'Égypte. T. 12. Explication des planches. Pl. VII. P. 419–421.

² Courier de l'Égypte. 1799. № 59 (30 pluviôse an 8). P. 2

³ Description de l'Égypte. T. 12. P. 403.

⁴ Ibid. P. 402.

вынимают из печи, притом делается это в ходе одного непрерывного процесса. Конте, который даже зарисовал это устройство в Каире, открыл 15 мая 1802 г. длительное обсуждение его преимуществ, и Общество поощрения национальной промышленности поручило ему построить модель механизма. В результате сравнительных исследований, которые велись в течение нескольких месяцев, этот метод был признан лучшим, чем те, которые использовались во французской провинции: Министерство внутренних дел распространяет во французских департаментах образец египетского устройства, изученного Конте¹, в то время как «Бюллетень Общества поощрения национальной промышленности» подчеркивает преимущества метода, используемого в Париже, где гипс до сих пор дробят вручную!

31 мая, когда некий изобретатель предлагает Обществу использовать новый способ инкубации яиц, Костаз описывает «цыплячи печи», инкубаторы, которые удивляли в Египте всех путешественников со времен Геродота². До сих пор все попытки позаимствовать этот метод были безуспешными: и даже если после неудачных экспериментов с теплым навозом академику Реомюру удалось добиться успеха, изолировав яйца от вредных испарений, появившихся в результате использования такого источника энергии, то никаким учреждениям не удалось добиться такого же эффекта³. С 1799 г. в Египте Руйе, в частности, рассматривает «возможность использования во Франции средства, наподобие египетских, для высиживания яиц и разведения цыплят без помощи кур». В 1800 и 1801 гг. он внимательно наблюдает за высиживанием яиц и проводит систематическое измерение температуры в разных частях «печей». Он рассказывает об этом процессе в «Описании Египта», публикует чертежи Конте и Жомара. Для него «постоянный успех этой процедуры связан не только с благоприятным климатом Египта, как то полагают хулители египетского метода; этому гораздо больше способствует особое мастерство тех, кто заботится о высиживании яиц [...] По рассмотрении всех преимуществ, которые египтяне извлекают из своих “печей” для цыплят, начинаешь жалеть, что это умение до сих пор не нашло применения в Европе [...] Чтобы добиться успеха в деле по искусственному высиживанию яиц и выращиванию цыплят без помощи кур, хорошо было бы до некоторой степени сообразоваться с простым и изобретательным мето-

¹ Champagny à Molard, Milan, 1er prairial an 13 (21 mai 1805). – Conservatoire national des arts-et-métiers. Bibl. 367.

² См.: *Jacquet J.* Des couveuses artificielles au sixième siècle de notre ère // Hommages à la mémoire de Serge Sauneron. Le Caire, 1979. P. 165–174.

³ *Réaumur.* L'art de faire éclore et d'élever en toutes saisons les oiseaux domestiques. P., 1749. 2 vols.

дом египтян»¹. Конечно, в этом случае прямого переноса не произошло, но технические знания и опыт египтян стали образцом для освоения.

В Каире Руйе также привлек внимание читателей *Courrier de l'Égypte* к «выгодам возможного использования во Франции некоторой египетской керамики, предназначенной для охлаждения воды в жаркое время»². Пористый сосуд «бардак» (турец. bardâq, араб. qullâ), который особенно ценился во время сильной летней жары, был предъявлен Обществу поощрения 14 июня 1802 г.: членам комиссии было поручено «изучить, какую пользу могло бы принести заимствование производства подобной посуды и какие средства для этого потребуются»³. Осенью Костаз и Конте представили в Обществе результаты количественных экспериментов, который один из них провел в Египте, чтобы установить термические свойства «бардаков», а другой – глиняную посуду, специально изготовленную парижским фабрикантом Фурми, «гидрокерамику», с помощью которой после некоторых усовершенствований можно было охлаждать воду на 5-10 градусов по сравнению с начальной температурой жидкости.

Еще более неожиданным стал случай египетского замка. Такой замок делается целиком из дерева и функционирует благодаря набору клиньев, которые попадают в выемки, соотносящиеся с язычком замка таким образом, что ключ (кусок дерева с шестью зубцами) освобождает его, приподнимая колышки. А ведь это было время «предохранительных» замков. Исследование, проведенное во французских департаментах, привело к обнаружению деревянного замка в Нормандии, «замечательного по своей надежности, прочности и простоте конструкции»: он приписывался сарацинам и «похоже, был тем же самым, который до сих пор используют арабы и греки архипелага»⁴. На самом деле этот замок не был ни арабским, ни древнеегипетским, он получил распространение благодаря римлянам и был всего лишь одним из многих следов, оставшихся от эпохи единства Средиземноморья под властью Римской Империи⁵. Деревянный замок в течение веков использовался на берегах Нила и в нескольких затерянных европейских деревнях, но был давно забыт в академической и инженерной среде. Воскрешенный благодаря Обществу поощрения промышленности и полностью переделанный механиком

¹ *Rozière, Rouyer. Mémoire sur l'art de faire éclore les poulets en Égypte par le moyen des fours // Description de l'Égypte. T. 11. P. 422, 426–427.*

² *Courrier de l'Égypte. № 56. 1800. 2 février.*

³ Arch. SEIN, PV Conseil, reg. 1, 25 prairial an 10.

⁴ Arch. SEIN, CME 1/3, dos. serrures en bois.

⁵ См. *Wainwright G.A. Ancient Survivals in Modern Africa // Bull. de la Société Sultanieh de Géographie. 1919. № 9. P. 105–130, 177–197; Henein N.H. Deux serrures d'époque romaine de la nécropole de Douch // BIFAO. № 84. 1984. P. 229–248.*

Эдмом Ренье в 1809 г. в соответствии с техническими и эстетическими канонами того времени, «египетский замок» появился на рынке уже в металле и с египетским узором¹.

Не имея ни ветряной, ни водяной мельницы, египтяне изобрели множество машин для подъема воды, которые приводились в движение силой человека или животного. И все же Конте взял их за образец при разработке гидравлической машины, предназначенной для орошения полей. От ковшевого элеватора из района Дельты – колеса с вогнутым ободом – он оставил ящики (камеры) с боковыми отверстиями, через которые поступала вода и выливалась с другой стороны, а от тяжелого шадуфа, весьма распространенного в долине Нила, принцип противовеса (кстати, хорошо знакомый механикам), на подъем которого человек затрачивает большие усилия при вычерпывания воды. Благодаря автоматизации «гидравлическая коромысловая машина» Конте лишь отдаленно походила на египетские устройства, но все же в ней сохранилась простота, присущая египетским машинам: любой крестьянин мог ее построить и поддерживать в рабочем состоянии при помощи обычных досок и гвоздей, в отличие от дорогих устройств и сложных насосов, предназначенных для зажиточных хозяев².

Таким образом, благодаря гипсовой мельнице, пористому сосуду для охлаждения воды и деревянному замку, инженеры, участвовавшие в экспедиции, вновь обращают внимание на предметы, которые порой даже существуют в Европе, пусть и в несколько ином виде, но оказались забыты столичными учеными. Они вновь открывают техническую мощь простой механики, соотносенной с практическим использованием, а также «чувственные» (интуитивные) знания, требующиеся в «печах» для цыплят или же при изготовлении керамики. Мало-помалу экспедиционные врачи и инженеры осваивают знания Египта, пересматривая их в соответствии с собственными знаниями. Эмпиризм оплодотворил рациональность. И только путешествие по египетской земле сделало возможными эти невероятные перемещения во времени и пространстве.

Новый взгляд на арабский мир

Это новое видение также открывает для научного ориентализма современный арабский мир³. В то время как в Париже Сильвестр де Саси и Лангле трудились над своими текстами, так никогда и не побывав на

¹ Notice sur les serrures de bois // BSEIN. T. 5, (1807). P. 177–180; Description et usage du Cache-Entrée et des Serrures égyptiennes de M. Regnier // BSEIN. T. 8 (1809). P. 135–138.

² L. [Michel-Ange Lancret]. Description d'une Machine inventée par M. Conté, pour servir à l'arrosement des terres // BSEIN. T. 3. № 4 (oct. 1804). P. 73–80, pl. III.

³ См. Bret P. Les contingences orientalistes de l'expédition.

Востоке, Каир стал первым центром ориенталистских исследований со своим собственным Институтом и библиотекой, с Национальной типографией и Комиссией по изучению современного состояния Египта. Археология, эпиграфика, архитектура также обратились к исламскому искусству: кувфические надписи, мечети или османские дворцы стали объектами изучения наравне с храмами, построенными фараонами. В период между появлением латинского перевода (1786) и выходом шведского издания (1802) публикуются двуязычные «Басни Лукмана», которые были изданы Марселем в Каире в 1800 г., и это издание явилось премьерой и в Египте, и в Африке как таковой¹.

После вывода войск из Египта современный Восток завоевывает Париж. С 1803 г. в Школе восточных языков преподается разговорный арабский язык не только для консулов и коммерсантов, но и для тех, у кого есть «желание изучать нравы и обычаи народов и познавать их географию или обогащать историю новыми открытиями»². В 1807 г. в Марселе «египетским беженцем» Габриэлем Тауйем (ок. 1751–1835) был открыт еще один курс. В Париже три других восточных переводчика, обосновавшихся после экспедиции во Франции, сменяют друг друга на профессорском посту: сначала Рафаэль де Монаши (1759–1831), единственный член Института Египта родом с Востока, приехавший во Францию в 1803 г.; затем Михель Саббаг (ок. 1784–1816), умерший через несколько месяцев после вступления в должность, и Элиус Боштор (ок. 1783–1821), прибывшие вслед за армией. Дальнейшее назначение Коссе-на де Персевалья-сына, типичного представителя французской ориенталистской традиции, закрепляет этот новый интерес к современности, возникший в результате экспедиции. Превратившись в некую смесь из изучения классических текстов в рамках научной традиции и полевых исследований экспедиции, ориентализм включил в область своих интересов также и современную арабскую литературу. Жан-Жак Марсель опубликовал в Каире в 1799 году «Арабскую оду завоеванию Египта» Никулы ат-Турка (1763–1828); он переиздал ее в Париже в 1807 и 1830 гг. В Каире Марсель подружился с Мухаммедом аль-Махди (1737–1815), секретарем Дивана; в 1835 г. в Париже он сделал перевод его «Арабских сказок». Что касается кабинетного ориентализма Саси, то он перевел в 1805 г. «Голубя-вестника» Мишеля Саббага, скоропостижно скончавше-

¹ *Fables de Loqman surnommé le Sage; édition arabe, accompagnée d'une traduction française, et précédée d'une notice sur ce célèbre fabuliste, par le citoyen J.J. Marcel. Au Kaire, an 8* (единственный перевод книги переиздан в Париже в 1803 г.).

² *Caussin P.A.-P., de. Préface // Grammaire arabe-vulgaire à l'usage des Elèves de l'Ecole Royale et Spéciale des Langues Orientales Vivantes. P., 1824.*

гося, так и не опубликовав свои труды «История арабских племен пустынь» и «История Сирии и Египта». В 1838 г. Кардан также перевел и опубликовал хроники Абд ар-Рахмана аль-Джабарти и Никулы ат-Турка.

Открыв эту область для новых авторов, экспедиция в Египет внесла разнообразие в природу ориентализма и вывела его в общественную сферу в тот самый момент, когда, благодаря мамлюкам в Гвардии и «египетским беженцам», образ восточного человека стал гораздо более привычным – на улицах, в армии, в салонах и в народном представлении¹. С французской стороны ученые из Комиссии по наукам становятся ориенталистами, например, астроном Мешен и химик Реньо, врачи Пуквиль и Франк или математик Корансе, которые выбирают дипломатическую карьеру в арабо-мусульманском мире, так же как и молодые ученики-ориенталисты из экспедиции, например Жобер, которого Наполеон посылает с миссией в Персию, или Делапорт, который будет принимать Делакруа в Марокко. Помимо исполнения своих консульских обязанностей, Корансе изучал феномен религиозного ригоризма, который распространялся по Аравии. Так, он комментировал взятия Мекки ваххабитами в газете *Moniteur* (1804), а затем опубликовал труд «История ваххабизма от истоков до конца 1809 года» (1810). С арабской стороны ориенталисты / оксиденталисты не были так многочисленны, как солдаты, – некоторые из таковых стали блестящими офицерами, были награждены Орденом почетного легиона и женились на француженках, – однако они сыграли важную роль в смешении культур. Их маршруты очень различались. Большинство из них были восточными христианами, обосновавшимися в Париже, Марселе и Мёлене в качестве «египетских беженцев», которые либо издавна сотрудничали с французами в Каире, как Саббаг, Боштор и Шифтиши, либо приехали во Францию еще детьми, как, например, Жозеф Агуб (1796–1832). Этот ряд замыкают сыновья Абд аль-Ааль Агха (ок. 1766–1828), последнего мусульманского начальника полиции в период оккупации, который в 1801 г. последовал за французской армией и перешел в христианство: один отличился при захвате в плен свиты Абд аль-Кадира и стал генералом, другие укоренились в Алжире, а последний вернулся в Египет, чтобы преподавать в медицинской школе Клот-бея в городе Абу-Забаль. Рафаель де Монаши, приехавший в Париж только в 1803 г., в конце концов вернулся в 1816 г. в Каир: его итальянско-арабский словарь стал первым изданием, вышедшим из типографии Булака (1822); он преподавал и занимался переводами, в частности работал в медицинской школе Клот-бея в Абу-Забаль; к моменту его

¹ *Coller I.* Arab France: Islam and the Making of Modern Europe, 1798–1831. Berkeley-Los Angeles, 2011.

смерти (1831) у него остались незаконченные произведения, в том числе словарь растений Египта и Сирии на пяти языках. Другие, оставшиеся на родине, становятся связующим звеном между экспедицией и египетским возрождением (Нахда), например христиане Василий Фахр и Юсуф Фараон, которые перевели на арабский «Астрономию» Лаланда и ветеринарные труды, или мусульмане шейхи Исмаил аль-Хашшаб (ок. 1763–1814) и Хасан аль-Аттар (1766–1835), поддерживавшие тесные связи с французами¹. Продуктом и действующим лицом этого возрождения, а также одним из основных посредников между восточной и европейской культурой, стал их ученик Рифаа ат-Тахтави (1801–1873), который в конце жизни побуждал арабов изучать язык и классическую арабскую литературу так же, как это делают европейские ориенталисты.

Заключение

22 августа 1798 г., менее чем через месяц после вступления в Каир, Бонапарт создал Египетский институт, имевший целью давать рекомендации властям и заниматься «изысканиями, исследованиями и публикацией сведений о природе, промышленности и истории Египта», прежде всего «о достижениях и распространении просвещения в Египте». Этот поступок, довольно неожиданный со стороны завоевателя, был ядром политики возрождения и распространения цивилизации, которую Бонапарт хотел проводить в Египте. Новый Институт был для этого столь важен, что его президент, математик Монж, и его коллега Бертолле являлись французскими уполномоченными при главном Диване, или «Генеральных штатах Египта», созданных генералом для того, чтобы «приучить египетскую знать к идее палат парламента и правительства».

Навязав Египту, с помощью вторжения и оккупации, грубые и масштабные изменения, ставшие результатом массивной встречи цивилизаций, экспедиция в Египет вызвала потрясение, которое не могло не повлиять на то, как Восток и Запад смотрели друг на друга. Конечно, ориентализм, наука и империализм шли тогда рука об руку, а потоки материального обмена из индустриальной Европы и из ремесленного Египта были несопоставимы друг с другом. Но столкновение культур не ограничивается ни столкновением армий, ни очевидным техническим превосходством европейцев. Экспедиция также дала возможность взглянуть на «Другого», на сложность его культуры и на многообразие ее сущностей. Как писал Тахтави по поводу Жомара, грубая сила меча отступает

¹ *Fareh M.* Confrontations et rencontres culturelles entre l'Orient et l'Occident en Égypte: de la Révolution et l'expédition française à la renaissance égyptienne (fin XVIIIe – milieu XIXe siècle). Thèse d'histoire de l'université de Rouen, 2005.

перед спокойной силой тростникового пера (калама): «Он правит в тысячу раз лучше своим каламом, чем другие с помощью меча. В этом нет ничего удивительного: именно каламы управляют странами»¹. То же самое в 1998 г. пытался выразить директор одного великого культурного учреждения Каира (хотя тогда это было не слишком приятно слышать его соотечественникам), отметивший, что «Наполеон пришел в Египет с пушкой и печатным станком. Пушка исчезла, а печатный станок остался». Институт Египта способствовал не только военному завоеванию и росту дисбаланса в торговом обмене: даже с учетом всех присущих ему противоречий и ограничений он был инструментом взаимопонимания и обоюдного признания культуры «Другого», мостом, перекинутым между культурами, расположенными на двух разных берегах Средиземного моря. Свидетельство этому – возрождение Института в 1859 г. в космополитической Александрии хедивов, утверждение его преемственной связи с Институтом Монжа и выбор Жомара в качестве его почетного президента. Более того, став жертвой эсцессов в ходе египетской революции в декабре 2011 г., Институт Египта начал возрождаться из пепла благодаря национальным и международным усилиям, как неотъемлемое достояние египетской идентичности и как знак принадлежности к общей культуре Средиземноморья, стоящей выше превратностей и потрясений истории.

Список литературы

Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // Французский ежегодник 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290. [Prusskaja E.A. Arabskie khroniki kak istochnik po istorii Egipetskoj ekspeditsii Bonaparta // Francuzskii ejegognik 2010. Istochniki po istorii Frantsuzskoj revoliutsii XVIII v. i epohe Napoleona. M., 2010.]

Bibliographie raisonnée des témoignages de l'Expédition d'Égypte (1798–1801). P., 1993.

Bret P. Conté et «les arts de la France au milieu des déserts»: vicissitudes d'un transfert de technologie pendant l'occupation française // L'Égyptologie et les Champollion / Sous dir. M. Dewachter, A. Fouchard. Grenoble, 1994. P. 331–345.

Bret P. Gunpowder Manufacturing in Cairo from Bonaparte to Muhammad 'Alî: Adaptation, Innovation and Transfer of Technology (1798–1820) // Gunpowder, Explosives and the State: A Technological History / Ed. B.J. Buchanan. Aldershot, 2006. P. 206–238.

Bret P. L'Égypte au temps de l'expédition de Bonaparte (1798–1801). P., 1998.

¹ *Rifā'a at Tahtāwī.* L'Or de Paris. Relation de voyage, 1826–1831. Trad. Louca A. P., 1988. P. 310.

Bret P. L'Égypte de Jomard : la construction d'un mythe orientaliste, de Bonaparte à Méhémet Ali // *Romantisme*. XXIII. № 120 (2003-2). P. 5–14.

Bret P. L'utopie «coloniste» du général Menou // *La campagne d'Égypte, 1798–1801. Mythes et réalités*. P., 1998. P. 165–188.

Bret P. La Méditerranée médiatrice des techniques: regards et transferts croisés durant l'expédition d'Égypte (1798–1801) // *Enquêtes en Méditerranée. Les expéditions françaises d'Égypte, de Morée et d'Algérie* / Éd. M.-N. Bourguet, D. Nordman, V. Panayatopoulos, M. Sinarellis. Athènes, 1999. P. 79–101.

Bret P. Les contingences orientalistes de l'expédition de Bonaparte. Pour une typologie des orientalismes // *L'orientalisme des saint-simoniens* / Sous dir. M. Levallois, S. Moussa. P., 2006. P. 33–52.

Caussin P.A.-P., de. Préface // *Grammaire arabe-vulgaire à l'usage des Elèves de l'Ecole Royale et Spéciale des Langues Orientales Vivantes*. P., 1824.

Cole J. *Napoleon's Egypt: Invading the Middle East*. N.-Y.; Basingstoke, 2007.

Coller I. *Arab France: Islam and the Making of Modern Europe, 1798–1831*. Berkeley-Los Angeles, 2011.

De la probabilité en histoire. L'exemple de l'expédition d'Égypte. P., 1952.

Denon. Voyage dans la basse et la haute Égypte. Paris, Didot l'aîné. II. Pl. 28, n° 2; Fondation Dosne-Thiers. Catalogue de l'exposition «Napoléon et l'Europe». P., 2013.

Des «Indes» en Méditerranée? L'utopie d'un jardinier des Lumières et la maîtrise agricole du territoire // *Revue française d'histoire d'outre-mer*. № 322–323. 1999. Vol. 1. P. 65–89.

Enan L. «Si tu le sais, alors c'est une catastrophe...» La commémoration: pourquoi, pour qui? // *Égypte/Monde arabe*. 1999. № 1. P. 13–23.

Fareh M. Confrontations et rencontres culturelles entre l'Orient et l'Occident en Égypte: de la Révolution et l'expédition française à la renaissance égyptienne (fin XVIIIe – milieu XIXe siècle). Thèse d'histoire de l'université de Rouen, 2005.

Gainot B. La Décade et la «colonisation nouvelle» // *AHRF*. 2005. № 339 Janvier-mars. P. 99–116.

Henein N.H. Deux serrures d'époque romaine de la nécropole de Douch // *BIFAO*. № 84. 1984. P. 229–248.

Ismaïl Urbain. Royaume arabe ou Algérie franco-musulmane? 1848–1870. P., 2012.

Itinéraires de Mallawî à Paris. Entretien avec Anouar Louca. Propos recueillis par Hassan Arfaoui // *MARS-Le monde arabe dans la recherche scientifique*. [Revue de l'Institut du monde arabe, Paris]. № 10–11. 1999. P. 5–33.

Jacquet J. Des couveuses artificielles au sixième siècle de notre ère // *Hommages à la mémoire de Serge Sauneron*. Le Caire, 1979. P. 165–174.

Journal d'un notable du Caire durant l'expédition française, 1798–1801. Éd. Joseph Cuoq. P., 1979.

L'invention scientifique de la Méditerranée. Égypte, Algérie, Morée / Sous dir. M.N. Bourguet, B. Lepetit, D. Nordman, M. Sinarellis. P., 1998.

L'expédition d'Égypte, une entreprise des Lumières, 1798–1801 / Sous dir. P. Bret. P., 1999.

L'expédition de Bonaparte vue d'Égypte / Sous dir. G. Alleaume // Égypte/Monde arabe. 1999. № 1. P. 10.

Laissus Y. Jomard, le dernier Égyptien. P., 2004.

Laissus Y. L'Égypte, une aventure savante 1798–1801. P., 1998.

Laurens H. L'expédition d'Égypte, 1798–1801. P., 1989.

Laurens H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. P., 2004.

Levallois M. Ismaÿl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie. P., 2001.

Raymond A. Egyptiens et Français au Caire, 1798–1801. Le Caire, 1998.

Rifâ'a at Tahtâwî. L'Or de Paris. Relation de voyage, 1826–1831. Trad. Louca A. P., 1988. P. 310.

Saïd E.W. L'Orientalisme. L'Orient créé par l'Occident. P., 1980.

Un autre retour d'Égypte: du Caire à Paris, l'ouverture de la France à la culture du monde arabe // Bonaparte et l'expédition d'Égypte, ombres et lumières. Catalogue de l'exposition de J.-M. Humbert (dir.). P., 2008. P. 194–199.

Wainwright G.A. Ancient Survivals in Modern Africa // Bull. de la Société Sultanieh de Géographie. 1919. № 9. P. 105–130, 177–197.